



НОВАЯ ГАЗЕТА

«НОВАЯ ГАЗЕТА. ЖУРНАЛ» • ПОЛИТИКА

Суд над невообразимым

Нюрнберг не решил проблему мирового зла, но дал важный исторический опыт борьбы с ним



Николай Жуков. Рисунок с Нюрнбергского процесса

17:40, 22 марта 2025,

Андрей Колесников*

обозреватель «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →



(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ КОЛЕСНИКОВЫМ АНДРЕЕМ
ВЛАДИМИРОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА КОЛЕСНИКОВА АНДРЕЯ
ВЛАДИМИРОВИЧА.

Нюрнберг — символ наказуемости зла. Нюрнберг — предмет исторических спекуляций. И даже строка в Уголовном кодексе РФ, хотя, как сказал один историк, за «отрицание фактов», установленных Международным военным трибуналом, надо госпитализировать, и таких людей еще поискать. Другое дело — стоящее рядом и наказуемое «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично», неопределенно сформулированное и радикально снижающее возможности исторической науки и исторического образования.

Нюрнберг — международное достижение, образец самой возможности сотрудничества разных стран. И в то же время — он по-своему «приватизирован» российской властью.

Нюрнберг изучен, описан, опубликован, и в то же время не понят, не прочтен, не осмыслен. Потому и его трактовка может быть монополизирована, а значение и смысл — искажены.

Нюрнберг полон исторических параллелей. Внутри его сюжета есть тайны. Нюрнбергский трибунал не принял советскую версию о том, что в катынском лесу весной 1940 года поляков убили немцы. До сих пор остаются неясными причины смерти одного из советских обвинителей в Нюрнберге, прокурора Николая Зори, который, возможно, узнал правду о Катыни, и с кем-то слишком интенсивно обсуждал эту тему. Почему и погиб от «неосторожного обращения с оружием» и спешно похоронен там же, в Германии.



Братская могила польских военнопленных в Катынском лесу под Смоленском. СССР. Май 1943 года. Фото: АР

Нюрнберг — понятие более широкое, чем то, что известно (а теперь забыто даже и это) по советским популярным источникам. Это, например, и процессы над нацистскими судьями, принявшими репрессивное право как должное. В московском РАМТе даже до сих пор идет спектакль «Нюрнберг»

по пьесе Эбби Мана, поставленный Алексеем Бородиным об этом «малом» Нюрнбергском процессе.

Нюрнберг — символ банальности зла и возможности вовлечения в него миллионов людей, выбравших послушание как модель выживания и превратившихся в фанатиков, убедивших себя в осмысленности бессмысленных лозунгов. И символ его небанальности, когда на скамье подсудимых оказываются люди-упыри. Символ тупой простоты. И изощренной сложности, хитрости самооправдания и даже анализа происходящего. Это ведь Шпеер уже в своем последнем слове на Нюрнбергском процессе сказал: «С помощью таких технических средств, как радио и громкоговорители, у восьмидесяти миллионов людей было отнято самостоятельное мышление».

С душою гейдельбергской

Нюрнберг — и символ попыток ухода от ответственности. Ялмар Шахт был освобожден Нюрнбергским трибуналом. Но в 1947 году арестован в рамках денацификации. А в 1948 году снова оправдан.

После Нюрнберга было множество процедур в рамках денацификации и «малых» Нюрнбергских процессов. Соучастниками были судьи, медики, учителя, профессора университетов. В рамках концепта коллективно-индивидуальной вины, но не коллективной ответственности, с этим разбиралась, тяжело и долго, с отступлениями и болезненными возвращениями к теме, сама временно оккупированная нация.



Ялмар Шахт. Фото: Bundesarchiv

Соучастие определялось в четырех категориях, низшую и самую «мягкую» из которых можно было бы определить как «попутчик». Такое клеймо имел в течение некоторого времени философ Мартин Хайдеггер. Правоведу Карлу Шмитту всего лишь запретили преподавать. Множество представителей нацистской профессуры могли быть арестованы, получить высший статус соучастников, но затем добиться судебным путем облегчения участи, снижения статуса до низшего, а потом и вовсе вернуться к преподаванию в тех же университетах, которые они тиранили и чистили, и скончаться в почете и покое. Например, к концу 1950-х на философский факультет Гейдельбергского университета, как писала в книге «Философы Гитлера» исследовательница Ивон Шерратт, вернулись практически все нацистские профессора.

Еврейский лингвист Макс Вайнрайх тогда же, когда шел

Нюрнбергский процесс, инициировал титаническую работу группы своих сподвижников, которые собирали доказательства соучастия нацистских ученых в преступлениях против человечности. Только имена инженеров, проектировавших газовые камеры и печи, остались неизвестными, констатировал по окончании работы Вайнрайх. Но результаты трудов его группы были проигнорированы.

Те, кто был на скамье подсудимых, понимали, что они делали. Приравнивали себя и свою жизнь к жизни немецкого народа.

Прикрывались им, как щитом — даже в своих последних словах в Нюрнберге, апеллируя к «многовековой истории» (как это делал, например, Гесс).

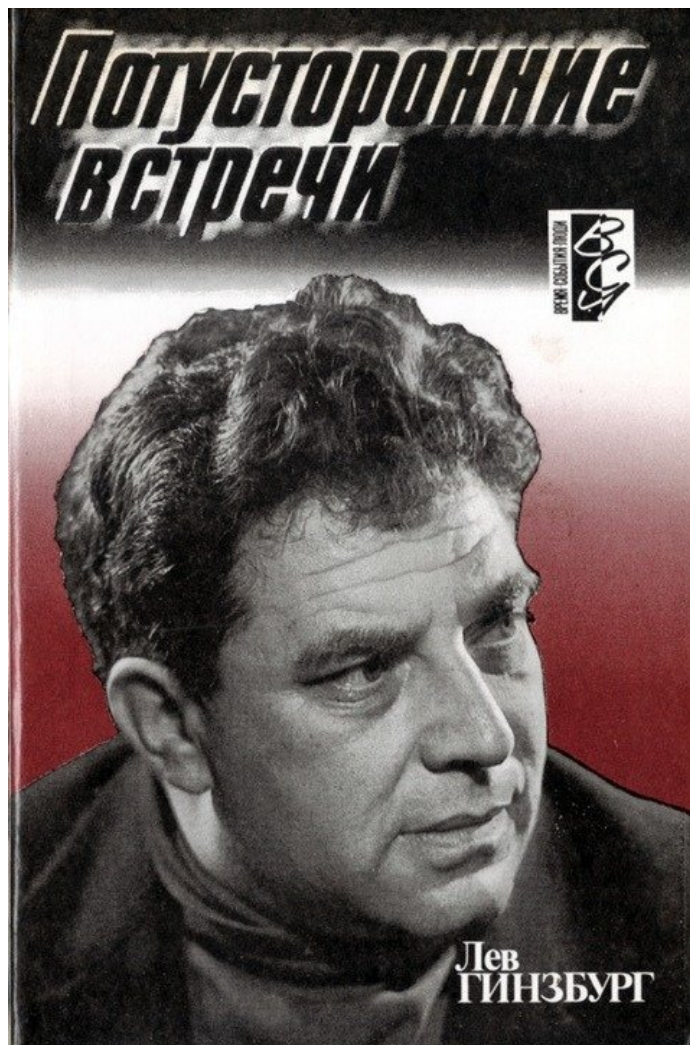
Как писала Ханна Арендт в «Происхождении тоталитаризма», Геббельс задолго до окончательного поражения нацистской Германии заявлял «с очевидным наслаждением, что, проиграв войну, нацисты сумеют, уходя, так хлопнуть дверью, что их не забудут вовеки». Если поражение терпят немецкие нацисты, то пусть сгинет и Германия, и ее народ, и, по возможности, весь мир.

Потусторонние встречи

Они понимали, что делали, и это выдавал их язык, их аморальность, возведенная в ранг морали, их произвол и насилие, выступавшие в квазиправовой форме.

Есть такая удивительная книга, совершенно забытая сегодня, «Потусторонние встречи» поэта и переводчика с немецкого

Льва Гинзбурга. Книгу о встречах в конце 1960-х автора с нацистами успел опубликовать Александр Твардовский в 1969-м в «Новом мире». Отдельного издания не получилось — по потрясающей работе Гинзбурга, показавшего сходство всех тоталитарных режимов через тоталитарное сознание и практики его собеседников (включая Шпеера и Шахта), ударила «Правда», набор книги был рассыпан.



Одна из бесед — с секретаршей Гитлера Тройдель (Гертрудой) Юнге. И пикантность не в том, что она не чувствовала за собой никакой вины (это уже банально), а в том, как реалистично оценивала поведение верхушки режима. Гитлер, говорила она, «реальной жизни по-настоящему не знал. Он ни разу не видел ни одного разрушенного города... Он жил в мире иллюзий... Положение внутри страны изображалось крайне оптимистически: и в сводках, поступавших к фюреру снизу, и в его собственных приказах и выступлениях... Это же правило —

избегать неприятных моментов — касалось и лагерей».

И вот самый потрясающий фрагмент, описывающий заведомо циничный, но строго соблюдаемый в декорациях «морали» самообман:

«Отчетливо помню, как Гиммлер в моем присутствии докладывал Гитлеру о положении в лагерях, кажется, в Освенциме: сколько калорий получает заключенный, как поставлена система «трудового перевоспитания». Ни о каких газовых камерах, конечно, не упоминалось. Гиммлер тогда рассказывал, что какой-то узник пытался поджечь барак и — «что бы вы думали, мой фюрер, как мы поступили с несчастным? Мы назначили его ответственным за противопожарную охрану всего блока! С тех пор благодаря оказанному ему доверию он стал совершенно иным человеком и близок к исправлению».

Исправлению! Точно такой же психологический механизм действует, когда тоталитарные режимы вынуждают огромные массы людей подчиняться, имитировать согласие, убеждать себя в том, что их поведение нормально и нравственно. Лев Гинзбург комментирует: преступники поддерживали в себе уверенность, что «они не только не совершают ничего преступного, а, напротив, действуют в полном соответствии с обиходной, общепринятой нравственностью».

Отсюда уклончивость и обман языка, пишет Гинзбург, вместо «расстрел», «удушение», «повешение» — «переселение», «особое

обращение», «окончательное решение вопроса».

Это такая «нравственность», это такие отмазки: да, евреев уничтожали, но насколько асимметричным был ответ, когда сотни тысяч немцев гибли в результате бомбардировок союзников — сами, мол, хороши... На Нюрнбергском процессе Ширах признавал: «Моя вина заключается в том, что я воспитал молодежь для человека, который был убийцей». Значит, понимал, что делал, но «воспитывал». Но при этом — не виноват. Убийца — другой, сам правитель.

Фриц Браун — отец Евы Браун, подруги Гитлера, вступил в партию, как писал Гинзбург, повинуюсь, скорее, общему течению: «...миллионы немцев во избежание неприятностей и в ожидании кое-каких льгот механически вступали в партию, платили членские взносы, носили партийные значки». Гинзбург называет их, включая представителей семьи Браун, «говорящими молчальниками»: «...каждый из молчальников обязан был говорить, выступать на собраниях, демонстрируя свою безусловную солидарность с фюрером». Сдача и гибель массового человека. Подчиненные превращаются в соучастников.



1946 год. Тюрьма для подсудимых Нюрнбергского процесса. Фото: imago images / Reinhard Schultz

Вина и ответственность

Нюрнберг, то есть Нюрнберг в широком смысле, как процесс, растянувшийся на годы и настигавший преступников и через много лет, решал вопрос вины конкретных соучастников режима, но не мог решить проблему коллективной вины и коллективной ответственности. В 1990-е российская власть совершила жалкую по форме и нелепую по результату осечку, начав суд против КПСС, притом что весь СССР и был КПСС. Как были ею и многочисленные жители новой Российской Федерации. Если уж стоило кого-то судить или люстрировать, так это тайную полицию или людей, принимавших конкретные решения, имевшие тяжелые последствия для граждан и страны.

Но для этого нужно было работать не на публику, а всерьез, как и по-настоящему открывать архивы.

Суд не должен был быть обличающей запальчивой публицистикой. Это был суд победителей (в этом сходство с Нюрнбергским процессом), но и, получалось, суд над самими собой. Чего в планы и тогдашней власти, разумеется, не входило.

В несколько сумбурном послесловии 1963 года к своему курсу лекций 1945–1946 годов под названием «Вопрос о виновности» Карл Ясперс разбирается в своем отношении к Нюрнбергскому трибуналу. Когда шел процесс, писал Ясперс, казалось, что восторжествовала идея (он ее называет, кстати, «англосаксонской») мирового права: «Никакой политик, никакой военный, никакой функционер не сможет в будущем ссылаться на государственные соображения и приказы... Повиноваться нельзя, если повинующийся знает, что он исполняет преступление». При согласии с такой нормой «человечество объединилось бы в этике, которая понятна всем» и не прикрывалось бы компромиссами с чудовищами и «невмешательством во внутренние дела». Народ, оказавшийся под тоталитарным господством своих правителей, «нельзя бросать на произвол судьбы, отдавать его собственным властителям-террористам».

Ясперс писал о наивности своих тогдашних иллюзий. В суде заседали победители. Тоталитарный СССР. Союзники, бомбившие немецкие города.

Нюрнберг, утверждал философ в 1963-м, «оказался на поверку разовым процессом победивших держав против побежденных, в

основе его не было общего правового уклада и общей правовой воли победивших держав».

Что, впрочем, скоро стало очевидным, когда начался, точнее, продолжился разлад союзников и началась холодная война.

В октябре 1945-го Томас Манн опубликовал знаменитую статью «Почему я не возвращаюсь». Много горького было сказано о прошлом Германии, как и слов надежды на ее лучшее будущее. Были сказаны точные слова как раз о коллективной ответственности («Если бы тогда немецкая интеллигенция... как один человек поднялась против этого позора...»), но и об этой романтической идее мировой гармонии, фундамент которой, как казалось, будет заложен в Нюрнберге.

Можно говорить о наивности, но результаты провала этой идеи — новый разлад, новые войны, новые, повторяющиеся в деталях, катастрофы человеческого сознания и действия, неизбывное блуждание по порочному кругу по заданному раз и навсегда сценарию, как раз на Нюрнбергском процессе и разобранному. «Мировая экономическая система, уменьшение роли политических границ, определенная деполитизация государственной жизни как таковой, пробуждение в человечестве сознания собственного единства, его первое предчувствие всемирного государства — как может этот далеко выходящий за рамки буржуазной демократии социальный гуманизм, за который идет великая борьба, быть чужд и ненавистен немецкой душе?» — задается вопросом Манн. А русской душе? Французской, американской? Китайской? Аргентинской?

Такое «предчувствие» уже было во время первой глобализации — прямо перед Первой мировой войной. Затем после Второй мировой, основания ООН и иных общечеловеческих структур и

нормативных актов. Потом — после окончания холодной войны, падения коммунизма, воссоединения все той же Германии. И вот история, преодолев свой «конец», в который раз начинается заново — секунды остаются до Судного дня, а мировой порядок сменил мировой беспорядок, причем не стоящий на месте.

Тоталитаризм, даже не авторитаризм, повсеместно возвращается, как и обслуживающие его идеологии, изъясняющиеся почти на том же языке и находящие те же оправдания, что и их исторические предшественники.

В дни, месяцы и годы антропологических катастроф, особенно происходящих после периодов спокойной и цивилизованной жизни, поражает, как пишет автор книги «Февраль 1933. Зима немецкой литературы» Уве Витшток, «невообразимость» происходящего. Все-таки Нюрнберг разобрал некоторые примеры невообразимости, ее конкретной вины и способов конкретного наказания. Важный исторический опыт для еще одного возможного витка выживания человечества.

Этот материал вышел в пятом номере «Новая газета. Журнал». Купить его можно в онлайн-магазине наших [партнеров](#).

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:



[Нюрнберг смотрит на нас](#)

Чему научил и не научил человечество главный судебный процесс Истории

18:41, 7 февраля 2025, Павел Гутионтов